

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Корнеева А.Д. Прямая речь в «Обычаях Тортосы»: свидетельство устной коммуникации или литературный приём // Человек и культура. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.5.76569 EDN: CELJAS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76569

Прямая речь в «Обычаях Тортосы»: свидетельство устной коммуникации или литературный приём

Корнеева Анна Дмитриевна

ORCID: 0009-0006-9270-2246

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, Ломоносовский пр-кт, д. 27 к. 4

 annayasin@live.ru

[Статья из рубрики "Знак, слово, речь, язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.5.76569

EDN:

CELJAS

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2025

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей записи обычного права средневековыми легистами на материале двух редакций «Обычаев Тортосы» 1272 и 1279 гг. Исследование фокусируется на анализе форм устной коммуникации, отраженных в тексте свода обычного права, составленного преимущественно на старокаталанском языке. Научный интерес представляет проблема трансформации устных правовых норм в письменный текст и изменений, которые претерпевало обычное право в процессе фиксации легистами. Особое внимание уделяется классификации элементов прямой речи в зависимости от обстоятельств их использования в нормативном документе (процессуальные диалоги, клятвы и присяги, эталонные образцы и ритуальные формулы речи для судебных чиновников), что открывает новые исследовательские перспективы для текстуального анализа средневековых юридических памятников. Методология исследования базируется на комплексном историко-филологическом подходе. Используются методы исторической антропологии права, позволяющие реконструировать социокультурный контекст правовой коммуникации. Ключевыми методологическими принципами являются: анализ текста в двух редакциях и

выявление трансформаций прямой речи. Исследование опирается на разработки западноевропейской медиевистики в области изучения взаимосвязи устных и письменных практик. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе прямой речи как литературного приема и свидетельства устной коммуникации в средневековом нормативном тексте («Обычаях Тортосы») – фиксации обычного права, бытавшего преимущественно в устной форме. Автор доказывает, что прямая речь в «Обычаях Тортосы» выполняет множественные функции: во-первых, фиксирует перформативные высказывания, во-вторых, стандартизирует речевые практики участников судебного процесса, в-третьих, придает тексту авторитетность и легитимность. Этот вывод подкрепляется тем обстоятельством, что большинство речевых вставок имеют прескриптивный характер и отражают стандартизованные правовые формулы. Исследование показало, что прямая речь одновременно является свидетельством живой судебно-устной культуры и сознательным литературно-юридическим приемом фиксации процессуальных норм обычного права легистами-профессионалами, представителями культуры «текстуальной».

Ключевые слова:

Обычаи Тортосы, история Каталонии, средневековая каталония, средневековое право, обычное право, антропология права, прямая речь, устная коммуникация, письменная культура, средневековое судопроизводство

Введение

Средневековое обычное право существовало и бытовало преимущественно в устной форме [1, р. 165]; [2, р. 3-4], однако изучать его сегодня возможно лишь по сохранившимся записанным текстам. Для правовой процедуры, правильность и порядок проведения которой закреплялись в правовой культуре в устной форме повторением тех или иных формул, устные высказывания её участников были важны не менее, чем письменное свидетельство в праве кодифицированном, унифицированном и записанном. Это обстоятельство заставляет задуматься о том, как работали и какие методы для сбора и систематизации правовых норм использовали легисты-составители записей местного обычного права при работе с нормами, бытавшими в устной форме. Необходимо учитывать также и культурный фактор: в большинстве случаев легисты или нотарии [3, р. 43], которым было поручено составление таких кодексов, получили специализированное образование и пусть и по косвенным источникам были знакомы, например, с римским писанным правом. С одной стороны, вполне вероятно, что часть норм могли быть записаны юристами в результате наблюдения за реальными судебными заседаниями или иными процессуальными действиями. С другой же стороны, некоторые исследователи отмечают, что многие правовые компиляции XIII в. были даже чрезмерно насыщены подробными процессуальными нормами, выраженными в виде прямой речи, однако, насколько это имело отношение к реальному положению дел, остаётся дискуссионным [2, р. 3-4]. Каким образом и для решения каких задач прямая речь включается легистами в текст записи обычного права? В рамках данной статьи мы попытаемся предложить один из вариантов ответа на этот вопрос с использованием «Обычаев Тортосы», одного из первых сводов обычного права XIII в., написанных на старокаталанском языке [4, р. 29]. Этот аспект является частью гораздо более обширной научной проблемы записи обычного права, его интерпретации профессиональными легистами.

Вопрос о соотношении письменного и устного элементов в текстах записей обычного права и документах, составленных на их основе, неоднократно поднимался в рамках историографии и продолжает оставаться актуальным по сей день. С одной стороны, любой научный поиск в данном направлении существенно ограничен, поскольку судить об «устном» мы можем лишь по весьма немногочисленным, но что самое главное записанным следам. Ряд исследователей пытаются решить эту проблему опорой на актовый материал, т. е. относительно многочисленные источники. Современная медиевистика предлагает разнообразные подходы к анализу «устного» в «письменном» [5, р. 155–157]; [6, с. 125–126].

Обзор литературы

В современной западной медиевистике проблема соотношения устного и письменного в источниках права рассматривается как комплексное явление, охватывающее не только и не столько технику фиксации нормы, но и социальные механизмы её функционирования. Исследования последних десятилетий (М.Клэнчи, Р. Маккитерик, М. Баньярд, М. Зиммерман, А. Косто, У. Браун, Б. Сток, П. Гири и др.) демонстрируют, что письменная фиксация обычного права не вытесняла устных практик, а трансформировала их, создавая смешанные формы правовой коммуникации.

Б. Сток в концепции «текстуальных обществ» на примере вальденсов показал, что рост грамотности сопровождался сохранением устных форм правовой коммуникации. Важные тексты озвучивались в присутствии неграмотных, превращая чтение в публичное действие, такое как оглашение хартии, принесение присяги или публичное заседание королевского или графского суда. Всё это представляло собой гибридные устно-письменные практики, в которых текст обретал авторитетность и легитимность в момент звучания [7, р. 13–14]. М. Т. Клэнчи в работе о «прагматической грамотности» (первое издание 1979) подчеркнул, что в Англии XI–XIII вв. письменные документы формировались на основе устных процедур: присяг, свидетельских показаний, публичных объявлений. Юридическая сила таких записей обеспечивалась сочетанием материальной фиксации и публичности ритуала [8, р. 332]. М. Баньярд рассмотрел оглашение, диалогичность (что особенно важно для нашего исследования) и мнемотехнику как элементы, оставившие след в структуре и формулярах текстов актового материала [9, р. 46–47]. П. Гири, исследуя монастырские картулярии, выявил механизм «избирательного конструирования памяти»: целенаправленной компиляции и отбора документов, где устные предания, локальные практики и письменные фиксации объединялись в рамках единой легитимирующей традиции [10, р. 7]. Р. Д. Маккитерик, в процессе исследования дилеммы устного и письменного в каролингскую эпоху, выделила институционализированную практику публичного чтения правовых актов, при которой документ функционировал как часть устной традиции [11, р. 3]. М. Зиммерман, анализируя каталонские акты более раннего периода (IX–XII вв.), показал феномен «документальной революции» — появления огромного массива актовых материалов при сохранении ключевых устных механизмов санкционирования: оглашение, присутствие свидетелей, участие общины [3, р. 2]. А. Дж. Косто, рассматривая форму «convenientiae», подчеркнул роль нотариуса как медиатора между устной договорённостью и письменным документом, придающим ей повторяемую и архивируемую форму [5, р. 289]. У. Браун указал на выборочный характер записи: документы, фиксирующие исход конфликтов, представляют собой ретроспективную редакцию устных споров, фактически «переписывая» обычай в нужном ключе [12, р. 95]. М. Мостерт во вступлении к сборнику

статьей «Средневековый судебный процесс: физические, устные и письменные практики в Средние века» отметил, что письменность в правовой практике сосуществовала с ритуалом и устной вербализацией, и что важно анализировать не только документы, но и связь между речью, действием и текстом [\[2, р. 4-5\]](#).

Таким образом, запись обычного права в средневековом обществе не может рассматриваться без учёта устной составляющей. В средневековых «текстуальных обществах» многочисленные документы включались в устный контекст: легитимность акта подтверждалась публичным оглашением его содержания, присутствием свидетелей, печатью и, следовательно, закреплением в коллективной памяти. Тем самым «обычай» подлежал фиксации, т.е. записи, но продолжал существовать как практика, поддерживаемая устным перформативом.

Однако большинство исследователей склонны анализировать элементы устной речи в актовом материале, где исследователь может «услышать» голоса конкретных участников той или иной сделки, анализируя то, каким образом речь была встроена венный документ, каким образом в нём проявлялась устная природа обычая. Всё это позволяет поставить вопрос о характере вставок с так называемой прямой речью: в какой мере они являлись фиксацией существовавшего судебного обычая и действительно могли бы прозвучать в суде или при составлении завещания или же они являлись интеллектуальным конструктом легистов-составителей «Обычаев Тортосы»? Существует несколько основных концепций происхождения так называемой «прямой речи» в актовом материале, связанных с ролью устного слова как в судебном процессе, так и в любом действии, так или иначе связанных с правом, о наиболее значимых для нашего исследования мы упомянули в кратком обзоре выше. Некоторые исследователи, считают, что вставки «прямой речи» в нормативных и нарративных памятниках быть попросту вымышленными или представляли собой желательную норму [\[6, с. 124-125\]](#).

Прямая речь в «Обычаях Тортосы»

В этом контексте особого внимания требует вопрос о том, каким образом прямая речь может функционировать внутри текста нормативного характера, таком как, например, запись обычного права. «Обычаи Тортосы» — это свод обычного права, выполненный каталонскими легистами в традиции «Барселонских обычаяев» (XII в.) [\[13\]](#) и претерпевший две последовательные редакции: в 1272 г. и в 1277–1279 гг. Этот кодекс — один из самых объёмных среди записей каталонского обычного права по числу установлений: всего в нём насчитывается около 1350 статей. В XIX в. Б. Оливер-и-Эстрейер разделил «Обычаи Тортосы» (в обеих редакциях), изначально разбитые на 9 книг, на 142 рубрики и 1350 статей [\[14, 15\]](#).

Рукописная традиция «Обычаев» в целом была представлена 5 сохранившимися рукописями XIII–XIV вв. О наиболее ранней рукописи А 1272–1273 гг. историки не знали до середины XX в. Текст рукописи А, оригинал которой датируется 1272 г., существенно отличается от позднейшего текста (рукописи В и С) сохранил обширные маргиналии и следы серьёзной редакторской правки. Х. Массип-и-Фонойоса убедительно доказал, что в рукопись А вошёл текст первой редакции «Обычаев Тортосы» 1272 г., а рукописи В, С, D и F – содержали текст второй версии памятника 1279 г. Первое печатное издание «Обычаев Тортосы», вероятно, было выполнено на основе не дошедших до нас рукописей XV в. Мы работали с текстом «Обычаев Тортосы» по изданию Х. Массипа-и-Фонойосы 1996 г., поскольку на сегодняшний день оно является наиболее полным и признанным в научном сообществе. Кроме того, интересующие нас фрагменты текста,

потенциально представляющие собой прямую речь, издатель выделяет кавычками в тексте первой редакции текста, и прописным начертанием букв для второй редакции [\[16, р. LXXXIII\]](#). Мы исключим из области нашего рассмотрения выделенные таким же образом «эталонные» формулы для печатей и подписей городских должностных лиц, поскольку по сути своей они не являются прямой речью и гораздо менее тесно связаны с областью устной правовой культуры.

Нельзя не отметить, что несмотря на то, что «Обычаи Тортосы» были созданы преимущественно на старокаталанском языке, ситуация мультилингвизма, существовавшая в Каталонии в этот период довольно сильно повлияла на языковую структуру данного кодекса: например, легисты включали в его состав латинизированные вставки различного объема [\[15\]](#). Однако такие изменения практически не затронули прямую речь в том виде, в котором она нас интересует.

Все случаи использования «прямой речи» в тексте «Обычаев Тортосы» (99 в обеих редакциях памятника) довольно легко разграничить по обстоятельствам их использования – можно выделить 3 категории, неравномерно представленные в тексте:

- Процессуальные элементы – 72 случая употребления;
- Образцовые формулы (иногда в виде примеров-шаблонов) для составления завещаний – 21 случай;
- Клятвы и присяги – 6 случаев употребления.

Сразу оговоримся, что в данной статье мы будем касаться преимущественно двух первых категорий, поскольку проблематика, связанная с принесением клятвы, её ролью и местом в средневековой каталонской правовой культуре требуют отдельного обстоятельного обсуждения, в том числе с привлечением других нормативных источников, а также по возможности актового материала. Наибольший интерес для нас в данном случае представляют процессуальные элементы, снабжённые вставками с потенциальными репликами участников заседания, которые создают «эффект присутствия», как, например, в обычай 1.3.14: «Названные судьи должны сказать кредитору “был ли получен залог?”, и если он говорит: “Да”, то [они.— прим. А. К.] должны сказать: “Сколько дней назад был получен [залог.— прим. А. К.]?”, и если он ответит и это будет правдой: “Три дня назад и более”, то они должны ему сказать: “Во сколько ты его оцениваешь?”, и он должен сказать: “Столько-то и столько”, то есть назвать ту цену, в которую он его [залог.— прим. А. К.] оценивает и, после оглашения цены, судьи должны спросить: “Кто является его покупателем?”, и посредник должен их уведомить, что покупатель определён и будет в суде в назначенный день и час, когда будет суд. Выше названные судьи должны сказать вегеру следующее: “О вегер, сообщи покупателю и спроси, собирается ли он присутствовать [на суде.— прим. А. К.]”, и если он откажется, то вегеру в первый день и час суда, когда будет суд, выше упомянутые судьи должны сказать и спросить у покупателя: “Купили ли вы эту вещь и дали ли за неё эту цену?”, и он должен сказать и ответить “да”, – и ответить “да, дал эту цену”. Выше упомянутые судьи должны сказать вегеру следующее: “О вегер, сообщи должнику и спроси, собирается ли он присутствовать [на суде.— прим. А. К.]”, и если он откажется, то вегеру в первый день и час суда, когда будет суд, и на вопрос посредника должен сказать выше упомянутым судьям “Я нашёл этого человека и, как вы присудили, сказал <...> ему о залоге, о котором сообщил его кредитор, который потратил время и дал этому человеку достаточно. Должник ответил, что не придёт”, – в таком случае, судьи верят вегеру и, услышав это, должны сказать писцу: “Сделай ему [кредитору. — прим. А. К.]

грамоту"..."» [\[16, р. 30-31\]](#).

В данном случае, мы имеем дело с нормами, регулирующими распродажу заложенного имущества по решению суда. Такие установления вполне могли бы быть записаны и без применения прямой речи, однако, по какой-то причине составители первой редакции обычаев предпочли привести её именно в таком виде. Из 12 случаев употребления глаголов речи в приведённом фрагменте, 10 сопровождаются глаголами долженствования "deure" (кат. — долженствовать), то есть нормативность выражена наиболее простым аналитическим способом. Вопросы со стороны судей и ответы посредника на них также сформулированы предельно кратко и в отдельных случаях, когда требуют конкретных сведений, представлены абстрактными формулировками (например, оценка стоимости заложенного имущества). Стоит также отметить, что даже в рамках относительно небольшого по объёму фрагмента нормативного текста, наблюдается некоторая повторяемость реплик отдельных сторон судебного заседания, как будто речь каждого из участников процесса, в особенности судей и должностных лиц, наполнена формулами. С одной стороны, это делает текст «звучящим», значительно оживляет его, но в то же время в некотором смысле регулирует и нормирует устную коммуникацию между участниками судебного заседания.

С другой стороны, это обстоятельство может заставить исследователя усомниться в том, насколько такая формализованная «прямая речь» берёт начало в реальной процессуальной практике, поскольку регламентация реплик, которые высказывали стороны в ходе обращения в суд выглядит формальной. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть совершение какого-либо действия, обвиняемый должен был, согласно тексту «Обычаев Тортосы», использовать строго определённые фразы, указания на действия или предметы. Для этого применялись различные формы выражения долженствования [\[17, с. 90\]](#). Получается, что «роли» всех сторон в ходе суда заранее предписываются всем его участникам: от обвиняемого до судей и королевских официалов. Сам судебный процесс предстаёт перед нами в качестве социального представления (англ. — performance) с детально прописанными диалогами [\[2, р. 5-6\]](#). Отдельно стоит отметить, что особо объёмные вставки «прямой речи» (в том числе и приведённый выше) были исключены из текста в ходе составления второй редакции «Обычаев Тортосы». На избыточность и перенасыщенность прямой речью мусульманских судебников, написанных на старокаталанском языке в более поздний период, указывает И. И. Варяш в работе «Мусульманская Европа: сигналы идентичности» [\[18, с. 97-98\]](#).

Судебное заседание могло состояться лишь после фиксации жалобы вегером или сайоном в следующей форме: «Вегер или сайон, как только, будет объявлено о необходимости явиться в суд, должен сказать и назвать поимённо: "Такой-то человек обвиняет вас, в такой-то день [во второй редакции "день и час"— прим. А. К.] вам следует явиться в суд", и если он не назовёт по имени истца, то, этот приказ не будет иметь силы и ответчик не понесёт никакого наказания за то, в чём его обвинил истец» [\[16, р. 20\]](#). Объявление о тяжбе и требование ко всем участникам явиться в суд для разбирательства в конкретный день, с указанием их имён в данном случае определяет, состоится ли тяжба в принципе.

В «Обычаях Тортосы» эта процессуальное право представлено довольно широко: несколько рубрик 9-й книги посвящены именно этим вопросам, например, рубрика «De inquisitione» [\[16, р. 310\]](#) написана практически без использования прямой речи, хотя содержащиеся в ней нормы проведения розыскного процесса, как раз, казалось бы,

напрямую должны быть связаны с процессом расспрашивания. Вероятно, частично это можно объяснить тем, что уголовное судопроизводство носило более индивидуальный характер и требовало особенного подхода ко всем обстоятельствам того или иного дела.

Что касается других случаев использования прямой речи в тексте «Обычаев Тортосы», встречаются перформативные формулы передачи имущества встречаются неоднократно, например, в контексте норм назначения опекунов для несовершеннолетних детей и составления завещаний (5.6.21 и 6.4.13). Рассмотрим эти примеры подробнее. В тексте обычая 5.6.21 о назначении для опекунов детей также присутствует устная формула: «Если какой-либо человек даст или установит опекуна своим детям и скажет пусть следующим образом: “Даю моим детям такого-то человека опекуном”» [\[16, р. 310\]](#). Такая формула отражает факт назначения и в отличие от письменных формул для составления грамот, широко представленных в тексте «Обычаев Тортосы», приводится в старокаталанском варианте, что может свидетельствовать о её устном происхождении. В пользу устного происхождения данной формулы свидетельствует и глагол, которым она вводится — “dir” (кат. говорить). За этим предложением следует пояснение составителей «Обычаев Тортосы» о содержании понятия «мои дети» (кат. — mos fils), в которое включаются не только сыновья и дочери, но и дети, рождённые после смерти отца, вероятно такое пояснение требовалось, чтобы избежать споров в последствии. В XIII в. она, по всей видимости, уже могла включаться и в состав грамоты с текстом завещания посредством прямой речи. Следующий обычай уточняет норму и ещё раз подчёркивает, что термин «мои дети» является наиболее широкой из применяемых формулировок, и если не обозначены имена детей и их пол, то все они становятся подопечными назначенного опекуна. В то же время это говорит нам, что существовала практика, когда имена детей были названы эксплицитно (обычай 5.6.22) [\[16, р. 294\]](#).

В случае с завещанием имущества ситуация имеет ряд сходств, однако есть и отличия. Рассмотрим это подробнее на примере формулы из обычая 6.4.13: «Если завещатель назначит кого-либо наследником, последний может быть заменён следующим образом: “Я назначаю Жоана моим наследником, но если он не примет, или не сможет, или не захочет принять наследство, то есть скажет, что не хочет быть наследником [выделение полужирным.— прим. А. К.], то пусть его заменит Бернат”» [\[16, р. 310\]](#). Для нас в данном случае особый интерес представляет косвенная речь, заключённая внутри прямой речи, поскольку в нём мы снова встречаем глагол говорения. Возможно, это было связано с тем, что акт отказа от получения наследства требовал публичной процедуры, в ходе которой требовалось отказаться от него путём произнесения определённых слов. В то же время, в обычай 6.4.26 оговорено, что так или иначе, но завещание не может быть признано законным, если существует в устной форме, а для того, чтобы грамота с завещанием обладала легитимностью, она должна быть записана (если завещатель не умеет писать, то следует обратиться к городскому писцу) и подписана свидетелями на латинском языке определённой формулой: «Я такой-то по просьбе такого-то подписываюсь свидетелем и подпись свою ставлю» (“ego talis rogatus a tali me subscribo pro teste et signum meum appono”) [\[16, р. 294\]](#), а также самим завещателем (обычай 6.4.19). Формулировки эти вводят также глагол “dir”, однако, к устной практике они вряд ли имеют прямое отношение, поскольку входят в формуляр грамоты и пишутся полностью на латинском языке [\[15, с. 35\]](#).

Однако, помимо, особым образом выделенных слов, прямая речь вводится глаголами или глагольными конструкциями, которые во многом, могут влиять на восприятие такой вставки «читателем» и отражать интенцию составителя кодекса. Из 99 случаев

употребления прямой речи в обеих версиях «Обычаев Тортосы» в 86 (64 случая в первой версии «Обычаев» и 22 случая — во второй версии) случаях мы сталкиваемся с наиболее распространённым глаголом речи “dir” в разных его формах. Этот глагол наиболее универсален, поскольку может в различных ситуациях вводить как слова должностного лица, так и непосредственно участников тяжбы. Например, в обычай 2.18.2 мы встречаем следующий пассаж: «... Ответчик может сказать следующее и поступить так, как захочет: “не хочу ничего доказывать..., хочу очиститься посредством клятвы”» [\[16, р. 127\]](#).

В других случаях глаголом “dir” вводится речь судей или должностных лиц: «Упомянутые судьи должны сказать вегеру...» [\[16, р. 127\]](#). В то же время в «Обычаях Тортосы» присутствует ряд других глаголов, которые могут вводить прямую речь обеих сторон процесса и городских официалов, это глаголы общего значения “respondere” (кат. — отвечать), “demanare” (кат. — спрашивать, задавать вопросы).

Обращает на себя внимание использование глаголов, передающих прямую речь в описании процессуальных действий на судебном заседании. С одной стороны, использование общеупотребительной лексики могло быть попыткой упрощения сложной структуры правового текста. Это объяснение представляется довольно логичным, поскольку нормативный текст включал множество синтаксически сложных и насыщенных профессиональной юридической лексикой предложений. С другой стороны, упрощение как практика работы с текстом не очень распространено, особенно по отношению к текстам нормативного характера. Кроме того, в иных текстах нормативного характера, созданных с опорой на тексты «Барселонских обычаев» или «Фуэро Валенсии» [\[19\]](#), такое обильное использование прямой речи не является распространённым и применяется в основном по отношению к нормам, регулирующим принесение судебной клятвы.

Заключение

Рассмотрев ряд случаев применения прямой речи, встречающихся в «Обычаях Тортосы», подведём итоги. Во-первых, несмотря на довольно большое число статей с элементами прямой речи (значительно большее, чем, например в «Барселонских обычаях»): казуальные диалоги в рамках процессуальных действий, частое использование глаголов речи, большинство из приведённых «устных» элементов имеют прескриптивный характер, отражают стандартные, регламентированные правилами фразы и действия участников определённых правовых событий, будь то заседание суда или передача имущества. Во-вторых, подавляющее большинство таких потенциально «устных» элементов записаны на старокаталанском языке, это означает, что они действительно могли произноситься в определённых ситуациях. В то же время в большинстве случаев прямая речь в «Обычаях Тортосы» лишена личностной окраски, эмоциональности. Это можно увидеть, даже анализируя глаголы, которые вводят прямую речь в текст законодательного памятника: в большинстве случаев это нейтральный глагол “dir” — говорить. Что касается случаев, когда легисты обращались к использованию прямой речи в качестве средства передачи тех или иных правовых норм, они представлены по большей части нормами гражданского судопроизводства и гораздо реже касаются судебных процедур и дознания по уголовным делам. Таким образом, использование прямой речи в тексте «Обычаев Тортосы» можно считать свидетельством устной коммуникации лишь частично с учётом степени формализации при включении в текст законодательного памятника.

Прямая речь включается легистами в запись обычного права через формульные цитаты

и диалогические реплики сторон, призывы судебных чиновников и т.д., которые являются литературно обработанными и даже стилизованными образцами речевых актов. Эти включения одновременно решают несколько задач: фиксируют перформативные высказывания, от которых зависела юридическая действительность; нормируют «правильные слова» для практикующих судей, обвинителей, нотариусов и др.; придают тексту авторитет посредством «голоса» власти и общины; усиливают дидактическую и мнемоническую выразительность кодекса. Материал «Обычаев Тортосы» показывает концентрацию прямой речи в пограничных моментах процесса (вызов и явка, признание и отказ, принесение присяги, оглашение приговора) и в казусах, где она моделирует переговорную динамику и иерархию ролей, превращая устные практики в нормализованное предписание. Следовательно, в «Обычаях Тортосы» прямая речь предстает и как свидетельство живой судебно-устной культуры, и как сознательный литературно-юридический прием текстуализации.

Библиография

1. Clanchy M. T. Remembering the Past and the Good Old Law // History. 1970. Vol. 60. P. 165-176.
2. Mostert M. Introduction // Medieval legal process: Physical, spoken and written performance in the Middle Ages / Ed. M. Mostert, P. S. Barnwell. Turnhout: Brepols, 2011. P. 1-10. (Utrecht Studies in Medieval Literacy; 22)
3. Zimmerman M. Écrire et lire en Catalogne (IXe-XIIe siècle). Madrid: Casa de Velázquez, 2003. Vol. 1. 1043 p. (Bibliothèque de la Casa de Velázquez; vol. 23).
4. Duarte i Montserrat C. El vocabulari jurídic del Llibre de les costums de Tortosa (ms. de 1272). 1a ed. Barcelona: Generalitat de Catalunya, Departament de Governació, Escola d'Administració Pública de Catalunya, 1985. 128 p.
5. Kosto A. J. Making agreements in medieval Catalonia: Power, order, and the written word, 1000–1200. Cambridge, 2001. 366 p.
6. Сафонова Д. П. Устная речь в правовой и документальной практике Леонского королевства X–XI вв. // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 124-137. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.72.72.007 EDN: UARDZQ
7. Stock B. The implications of literacy: written language and models of interpretation in the eleventh and twelfth centuries. Princeton: Princeton University Press, 1983. 626 p.
8. Clanchy M. T. From Memory to Written Record: England 1066–1307 / 3rd ed. Chichester: John Wiley & Sons, 2013. 494 p.
9. Banniard M. Viva voce: communication écrite et communication orale du IVe au IXe siècle en occident latin. Paris: Institut des études augustiniennes, 1992. 596 p.
10. Geary P. J. Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millennium. Princeton: Princeton University Press, 1996. 264 p.
11. McKitterick R. D. Introduction // The Uses of Literacy in Early Mediaeval Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 1-10.
12. Brown W. C. The gesta municipalia and the public validation of documents in Frankish Europe // Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages / Ed. by Warren C. Brown, Marios Costambeys, Matthew Innes and Adam J. Kosto. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 95-124.
13. Bernad Segarra L. Sobre el valor de la confessio in iure certae pecuniae. Especial mención a su recepción en Furs y Les Costums de Tortosa // La prueba y medios de prueba. De Roma al derecho moderno. Madrid: Universidad Rey Juan Carlos, Servicio de Publicaciones, 2000. P. 91-104.
14. Bastardas i Parera J. Introducció // Usatges de Barcelona: el codi a mitjan segle XII: establiment del text llatí i edició de la versió catalana del manuscrit del segle XIII de l'arxiu

- de la d'Aragó de Barcelona. Barcelona: Fundació Noguera, 1984. P. 7-38.
15. Корнеева А. Д. Классификация латинских заимствований и цитат в тексте Обычаев Тортосы: количественный и качественный аспекты // Человеческий капитал. 2023. № 10(178). С. 31-40. DOI: 10.25629/HC.2023.10.28 EDN: QCBVCX
16. Costums de Tortosa / Ed. crít. a cur. de J. Massip i Fonollosa, col. C. Duarte i Montserrat, M. A. Massip i Bonet. Barcelona: Fundació Noguera, 1996. LXXXIII, 592 p. (Col·lecció Textos i Documents; t. 32)
17. Варьяш О. И. Язык средневекового права // Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в Средние века / Сост. и отв. ред. И. И. Варьяш, Г. А. Попова. М., 2006. С. 86-90.
18. Варьяш И. И. Мусульманская Европа. Сигналы идентичности. СПб.: Наука, 2020. 225 с.
19. Cerdá Ruiz-Funes J. La 'Inquisitio' en los Furs de Valencia y en el 'Llibre de las costums' de Tortosa // Anuario de Historia del Derecho Español. 1980. P. 563-586.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемый текст «Прямая речь в «Обычаях Тортосы»: свидетельство устной коммуникации или литературный приём» представляет собой междисциплинарное исследование, в центре которого находится памятник каталонского права XIII века «Обычаи Тортосы». Автор рассматривает данный текст в рамках не только правового или исторического, сколько лингвистического и культурологического дискурсов, что придает исследованию безусловную междисциплинарность и новизну. Целями своего исследования автор ставит выяснение методов сбора и систематизации правовых норм легистами-составителями записей местного обычного права при работе с нормами, бытовавшими в устной форме, изучаемый вопрос таким образом может быть расценен как часть более общей проблемы трансформации устного права, обычая и прецедента в письменное. С лингвистической точки зрения здесь рассматривается вопрос о трансформации прямой устной речи как элемента обычного права в письменный кодекс. Структура работы соответствует поставленным задачам, в обзоре литературы (на основе значительного корпуса преимущественно испано- и англоязычной литературы) автор суммирует существующие подходы к проблеме соотношения устной речи и письменного средневекового права. В основной части работы дается характеристика источника т.е. «Обычаев Тортосы», за этим следует достаточно обширное по объему исследование случаев применения прямой речи в источнике, автор учитывает процессуальный контекст, грамматические формы и т.д., что и позволяет автору сделать выводы о целях и происхождении используемой в «Обычаях Тортосы» прямой речи. Собственно выводы сформулированы автором четко и доступно для читателя, содержательно они основаны на рассмотренных ранее конкретных примерах из раздела «Прямая речь в «Обычаях Тортосы». На поставленный в заглавии работы вопрос («свидетельство устной коммуникации или литературный приём?») автор дает двойной утвердительный ответ; «Материал «Обычаев Тортосы» показывает концентрацию прямой речи в пограничных моментах процесса и в казусах, где она моделирует переговорную динамику и иерархию ролей, превращая устные практики в нормализованное предписание. Следовательно прямая речь предстает и как свидетельство живой судебно-устной

культуры, и как сознательный литературно-юридический прием текстуализации». Обратим внимание на используемый автором термин «литературно-юридический прием», в то время как в заглавии автор задается вопросом о чисто литературном приеме, что, на наш взгляд, не оправдывается материалом исследования и собственно характером изучаемого текста; формулировки, используемые автором в выводах более корректны. Впрочем, это может быть предметом дискуссии. В остальном можно отметить, что работа выполнена на высоком научно-методическом уровне и безусловно может быть рекомендована к публикации.